

ПЫТАЯСЬ СПАСТИ БЛИЖНЕГО

101

Опять настал один из этих дней. Восемь из них добирались до церкви автобусом, на машине или пешком. Они оставили плащи на крючках и направились в подвал, где их уже дожидались кофе, чай, печенье и Преподобный Шамус Брукер. Худошавый священник обменялся рукопожатиями с Рэймондом и Кришной. Обнял Джулию. Аннабель он поцеловал в обе щеки, Ханну — только в одну. Тимоти, Нкобиль и Бенито опоздали, поэтому удостоились лишь кивка головы. Опоздания всегда заставляли Преподобного хмуриться.

— Сегодня нас будет на одного больше, — предупредил он их. — Я сказал ей прийти к середине занятия, чтобы у нас было время поговорить.

— Она не могла записаться в другую группу? — возразил Тимоти. Ему потребовался год, чтобы перестать чувствовать дискомфорт среди людей в этой комнате.

— Она иранка.

— Мы будем ей очень рады, — твердо сказал Кришна. Естественно, он будет рад. В течение нескольких лет ему было суждено

быть убитым группой скинхедов с ножами и бейсбольными битами. Расизм был его больным местом, мягко говоря. Он с вызовом посмотрел на Тимоти.

— Я просто спросил, — Тимоти залпом допил кофе и налил себе еще.

— Не ссорьтесь, — прервал их Преподобный. — Нам стоит обсудить то, что приход нового человека вызывает дискомфорт.

— Для меня это не проблема, — ответил Тимоти.

— А для меня — проблема, — сказала Джулия.

Кришна набросился на нее с криками, предполагая, что причиной тому является раса новенькой. Она стала кричать в ответ. Рэймонд, который симпатизировал Джулии, присоединился к их перепалке. Вскоре комната наполнилась беспорядочным криком, и разум Тимоти ушел куда-то далеко. Он не был таким ослом, чтобы участвовать в этом. Он смотрел в дверной проём, думая о том, какой фильм он будет смотреть в эти выходные, в тот момент, когда она вошла. С головы до пят она была в готическом наряде: кожаные ботинки на толстой подошве, черный вельветовый корсет, серебряные цепи и браслеты.

Тимоти улыбнулся: «Приближается неловкое молчание».

Его предсказание было точным, как у Машины Смерти. Десятью секундами позже они начали понимать, что за ними наблюдали.

— Исма... — губы Преподобного Шамуса Брукера продолжали двигаться, но слова наружу не выходили.

Бенито, местный клоун, пришел на помощь:

— Какой бы ни была твоя предыдущая группа ТД, забудь про нее. Тут мы общаемся, доводя друг друга до инфаркта.

— ОК. Ты урод и плохо пахнешь.

Все рассмеялись. Некоторые притворялись. Тимоти был не из таких.

Исма взяла чай и печенье и началось настоящее собрание.

— Меня зовут Преподобный Шамус Брукер и мне осталось жить двести семьдесят дней. Меня собьет машина.

— Я Аннабель, рак, четыреста десять дней.

— Нкобиль. Я рекордсмен. Какая-то сука собирается выстрелить мне в голову через сорок девять дней.

Поднялся Тимоти.

— У меня сто один; прямо как далматинцев. Я умру в огне, пытаюсь спасти ближнего.

— Что? — воскликнула Исма.

— Что случилось? — спросил Преподобный.

Она говорила медленно; было видно, как она дрожала.

— Мне тоже суждено умереть через сто один день. В огне.

100

Позже Тимоти и Исма присели на скамейке снаружи. Руки Исмы сжимались и разжимались, сжимались и разжимались.

— Встреча с тобой заставляет меня чувствовать себя марионеткой на ниточках.

— Внезапно это становится более реальным, не так ли?

Она посмотрела вверх, на распятие над дверью.

— У него есть чувство юмора, правда?

— Когда ты узнал, что ты ТД?

Тимоти бросил печенье в рот.

— Шесть лет назад, после того как услышал историю по телевизору, историю одного героя войны. Он сказал прессе, что во все не был храбрецом; он признал, что воспользовался Машиной Смерти и узнал, что ему суждено замерзнуть в горах. До тех пор, пока он служит в пустыне, джунглях или городе — он ничего не боится. Когда я смотрел эту передачу, я впервые понял, что такое предсказание может стать настоящим подарком. Я решил

провериться. Я считал, что если я узнаю, как я умру, я перестану бояться всего остального. Я не ожидал узнать, когда это случится.

— ТД — сволочь, правда?

В течение многих лет все были уверены, что единственной причиной того, что судьбу невозможно изменить, была расплывчатость предсказаний Машины Смерти. В тот момент, когда появилась первая Точная Дата, оказалось, что они были неправы. Впервые человек знал не только то, как он умрет, но и когда это произойдет. Первый ТД узнал, что он погибнет в столкновении с автобусом, шестого марта 2032 года. Он приготовился к этому дню. Не важно, что случится, но он и близко не подойдет к автобусу шестого марта. Он заказал круиз на яхте; невозможно врезаться в автобус посреди моря. За неделю до предсказанной смерти его сбивает машина и вот он в коме. Шестого марта врачам приходится перевезти его в частную клинику. По пути в карету скорой помощи врезается автобус.

— Как насчет тебя, как ты узнала?

— Бритиш Эйрвейс заставляет всех кандидатов в пилоты проходить тест Машины Смерти, на случай если она выдаст «авиакатастрофу». Они сказали мне, что я им не подхожу, так как у меня ТД и мне осталось семьсот восемь дней. Хотела бы я, чтобы они мне не говорили. Незнание было блаженством.

Тимоти сунул руку в карман и достал еще одно печенье.

— Хочешь?

— Нет, спасибо. Я на диете.

Бровь Тимоти поднялась.

— Я знаю. Я умру через сто один день. Какого чёрта я на диете?

Тимоти бросил взгляд на часы.

— Уже сто дней.

— Мне в голову пришла мысль. Ты ведь не собиралась погибать в авиакатастрофе. Почему они тебя не приняли на работу?

— Никто бы не выдал мне страховку, потому что мне осталось всего два года.

— Это ведь незаконно.

— Да, конечно; предубеждение это наша реальность.

Исма сунула руку в карман куртки Тимоти. Действие, которое показалось ему удивительно личным. Она выудила оттуда печенье и откусила крошечный кусочек.

— Я принимала участие в ассоциации арабских студентов ЮНИ, — сказала она. — Мы встречались каждую неделю и спорили на тему того, как нас дискриминируют и что к нам не относятся как к настоящим гражданам Британии. Было еще больше, когда они узнали что у меня ТД и их отношение ко мне тоже изменилось. Не то, чтобы они давали мне прозвища или что-то в этом духе. Они просто стали ходить на цыпочках вокруг меня.

Никто не знал наверняка, но на каждую тысячу человек, пользующихся Машиной Смерти, она выдавала Точную Дату двоим или троим.

— Ненавижу чертову жалость, — сказал Тимоти.

— В прошлом году я сделала аборт, — внезапно сказала Исма. — Я бы не дожила до первого дня рождения своего ребенка.

— Я... Я не знаю что сказать.

— Я хотела упомянуть об этом внутри, но преподобный... Я хотела понравиться ему.

— Шамус не такой как все. Он никого не осуждает.

— Это радует. Просто мне легче сказать это тебе. Звучит странно, но я чувствую, что мы связаны.

Тимоти невесело усмехнулся: «Связаны судьбой и всё».

— Как ты можешь быть таким циничным, когда говоришь о судьбе, зная, что происходит? Разве это не является достаточным доказательством?

— Я не верю в судьбу, Бога, или что-то в этом духе. Все

это — случайности. Конечно, Машина Смерти может проделывать дыру во времени и предсказать результат случайностей. Но это не делает их менее случайными.

— Так значит нет ни Бога, ни жизни после смерти?

— Ага.

— Как ты можешь так жить?

— Так же как и ты, один день за раз. Сотня сегодня, девяносто девять — завтра.

— Посмотри на меня, — сказала Исма.

Он повернулся, и их лица оказались всего в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Думаешь, мы будем вместе?

Он пожал плечами.

— Не делай так, — ее голос звучал грозно. Могу сказать, что твое «мне все равно» — полная чушь.

У него почти вырвалось: «Да пошла ты», но это было трудно сделать, глядя ей прямо в глаза. Было слишком темно, чтобы различить их цвет.

— Я не хочу умирать в одиночестве.

— Я тоже.

97

— Тебе не приходило в голову, что мы просто пытаемся начать жить, — сказал ей Тимоти тремя днями позже. Они лежали на траве в парке Пиккадили. Тут было настолько шумно, что им приходилось говорить на повышенных тонах.

— Что ты имеешь в виду?

— Последние два дня мы встречаемся только потому, что существует вероятность, что мы умрем вместе. У меня ощущение, что мы пытаемся создать серьезные отношения, потому что... ну, альтернативой будет смерть в одиночестве. Я оглядываюсь на

свою жизнь и понимаю, что в ней нет ничего запоминающегося. Вместо летчика, я стал кем-то, кто просто вбивает данные в компьютер. Я работаю в месте, где мой вклад никому не важен. Я не оставил ни наследия, ни достижений. Я сомневаюсь, что кто-то будет по мне скучать. Встреча с тобой... мне так тяжело это делать. Это как последний шанс на хоть какую-то видимость — смешно и нелепо это говорить — настоящей любви. Если судьба как-то привела нас к этому, то это подтверждает и все остальное.

Мгновение Исма молчала.

— Ты хочешь настоящей любви? Я думала, может мы просто будем хорошими друзьями?

— Оу. — Щеки Тимоти вспыхнули алым. Ему захотелось провалиться сквозь землю.

Исма наклонилась вперед и поймала его губы своими.

90

Исма ненавидела свое тело. Она считала, что у нее большой и неуклюжий скелет, а ее лицо — скучное. Тимоти постоянно повторял, что она прекрасна. В конце концов, он прекратил попытки. Она настаивала на том, чтобы они занимались любовью в темноте. Его пальцы скользили по ее телу, читая его изгибы, как слепой читает Брайля¹. На внутренней стороне ее запястий, которые обычно были покрыты браслетами, он чувствовал выступающие полосы шрамов.

— Да, — небрежно сказала она. — Я пыталась себя убить.

— Когда?

— Четыре месяца назад. Когда от меня ушел Пол. Между нами все изменилось после аборта. Все испортилось. Я хотела оставить ребенка, но, так как мне было суждено умереть сразу после его рождения, мое мнение ничего не значило. Но все равно, я его

¹ Шрифт Брайля, рельефно-точечный шрифт, предназначенный для письма и чтения незрячими людьми.

никогда не прощу, за то, что он заставил меня...

Тимоти нежно поцеловал Исму, но она отстранилась.

— Не сейчас.

— Прости.

Исма поднялась и прошла в ванную.

Ждать пока она придет было пыткой. Она напомнила ему, что он совсем ничего о ней не знает. Она могла выйти из ванной и сказать ему, чтобы он уходил или появиться оттуда в слезах и броситься в его объятия.

Она извинилась, когда вышла.

— Прости. Я первый раз рассказала кому-то про расставание с Полом. Мы были вместе три года. Были так счастливы. Он не знал что я ТД почти до самого конца.

Три года. Тимоти вдруг почувствовал себя неполноценным.

— Мой отец нашел меня прежде, чем стало слишком поздно... — говорила Исма. Она смотрела вниз, на шрамы на запястьях.

— Я выкарабкалась.

— Ты хотела бы сейчас быть с Полом? — спросил Тимоти. Ему сразу же захотелось взять свои слова обратно. Было слишком эгоистично спрашивать о таком, когда она рассказывала о настолько личных вещах.

— Нет, не хотелось.

— У нас всего девяносто дней, нет времени лгать друг другу.

— Ну, тогда ладно, я бы хотела все еще быть с Полом.

Исма вернулась в кровать. Заскрипели пружины.

— А ты не хотел бы, чтобы я была где-нибудь в другом месте?

— Нет. Здесь никого больше нет. И никогда не было.

В любовной истории про Арлекина эти слова может быть и прозвучали бы романтично, но в этой комнате, в этом месте, они были всего лишь еще одним свидетельством того, насколько жалок он был.

Она начала говорить, но Тимоти прервал ее.

— Никогда не лги, не важно, насколько сильно, по твоему мнению, я хочу это услышать.

— Хорошо.

Она взяла его ладонь и прижала ее к своей щеке, к тому месту, куда он ее поцеловал, когда она отстранилась от него.

— Я помню, что в тот момент, когда я поднесла бритву к запястью, я думала, что тем самым обманываю Машину Смерти — сама выбираю день, когда умру — но на самом деле у меня не было выбора. Я знаю что мы собираемся умереть в один день, но это могут быть разные пожары, в разных концах города. Но я хочу, чтобы ты был со мной в самом конце. Я выбираю тебя. Возможность иметь немного контроля, неважно насколько мало — бесценна для меня. Возможно, я не могу быть той «настоящей любовью», которая бы того стоила, но...

— Исма, — произнес Тимоти. Его ладонь опустилась с ее щеки вниз, по изгибу шеи, на правое плечо. — Этого достаточно.

53

Нкобилль провела свою последнюю ночь в доме, в котором она выросла. Это был просторный дом с тремя спальнями в Дидсбери. Ковры, канделябры, картины, антиквариат — все было выполнено в африканском стиле. Ее родители были иммигрантами, которые сбежали из Южной Африки и всегда мечтали туда вернуться. Каждый предмет был алтарем этому их страстному желанию.

Все были в сборе. Преподобный Шамус Брукер принес маленький мешочек с белым порошком. Кришна принес блюдо с жареной свининой, куски которой были крепко соединены друг с другом пищевой пленкой. Джули принесла свою гитару. Аннабель принесла сотовый телефон. Ханна ничего не принесла. Бенито принес фотоальбом. Тимоти принес кусочек бумаги, за

который он заплатил семьсот фунтов. Исма принесла сумку, набитую одеждой.

— Все-таки наши несчастливые влюбленные решили почтить нас своим присутствием, — сказал Рэймонд, который пришел с набором автомобильных ключей. Он шутил, но в его интонациях был какой-то агрессивный подтекст.

— Несчастливые? — спросила Исма.

— Чего?

— Не обязательно, — сказал Тимоти. — Быть может, мы оба погибнем, пытаясь спасти кого-то еще. Хотелось бы думать, что у нас получится. Тогда бы наши смерти чего-то стоили.

— Так вот как ты решил? — Исма выглядела так, будто ее предали.

— Конечно, я рассматривал такую возможность. А ты нет?

— Если это буду я, даже не пытайся. Просто оставь меня.

— Машина Смерти всегда права.

— Может быть, до сих пор или, может быть, она уже ошибалась — но никто не знает.

— Ты знаешь что это не правда.

— Пожалуйста, если это я, обещаю что оставишь меня.

Тут вошла Нкобиль. Она выглядела еще более прекрасной, чем обычно. Ее волосы были уложены в длинные каскады, струящиеся до середины спины, а узорчатая африканская накидка венчала это великолепие. Ее улыбка была сияющей, как у ребенка.

— Из-за чего суета?

Рэймонд усмехнулся.

— Исма только что узнала, что это ее будет пытаться спасти Тимоти. До сих пор я не думал, что она настолько глупа.

— Достаточно, — сказала Нкобиль. — Сегодня я тут главная. И если ты, Рэймонд, хочешь кого-то раздражать или кому-то завидовать, то это буду я. Если хочешь поспорить, то можешь

поспорить о том, кому выпадет честь сидеть рядом со мной. А вы двое этим вечером — не влюбленные. Я — единственная, кого вы можете обожать. Если я решу прогуляться с Тимоти на чердак, то не будет никаких возражений, ясно? Нкобиль широко улыбнулась и прошла в гостиную, где остальные уже заканчивали все приготовления.

— Это как раз то, о чем я мечтала. Нет, зачеркните, это даже лучше.

Они скопировали декорации для гостиной с первой проданной Нкобиль картины. На этой картине Королева Пауков восседала на сложном разноцветном переплетении паутин. Они также использовали окрашенную москитную сетку, газовую материю и шелковые нити для воссоздания логова королевы.

— Я люблю вас всех, — сказала Нкобиль, и праздник начался.

Как всегда, Преподобный начал первым. Шамус высыпал немного кокаина на перевернутую пепельницу и пальцем придавал ему форму линии.

— Я не знаю, как это правильно делается

Его пальцы дрожали.

— Ты уверен насчет этого? — спросила Нкобиль.

— За вас, моя королева, — он преклонил колени и сделал глубокий вдох носом.

Джули была следующей. Она начала наигрывать на гитаре.

— Я прошу прощения, давно не практиковалась...

— Никаких извинений, — сказала Нкобиль.

После одной неудачной попытки Джули начала петь, и ее нетренированный скрипучий голос разлился среди присутствовавших. Пять мужчин и пять женщин, Тимоти впервые заметил эту симметрию. Это заставило его задуматься о судьбе. Что, если все предрешено? Джули была биржевым маклером и даже песня, которую она пела, нагоняла на него тоску. Стихи песни идеально

подходили для сегодняшнего вечера. Ну почему в единственной песне, которую написала Джули будучи наивной студенткой второкурсницей, мечтающей стать рок-звездой, поется именно о прощаниях? Совпадение? Судьба? Или может она всех обманула? Может она написала эту песню совсем недавно?

К концу песни Нкобиль плакала.

— Я собиралась сберечь их для одного большого рыдания в конце вечера. Черт побери.

Она указала на Кришну:

— Разберись с этим.

— За вас, моя королева, — сказал он и вонзил вилку в кусок жареной свинины. Хорошенько откусил от него и начал жевать. Пока он жевал, его колотила мелкая дрожь.

— Слава Аллаху, — сказала Нкобиль, шмыгнув носом.

Аннабель набрала номер своей матери и немного подождала.

— Автоответчик. Попытаюсь попозже.

Тимоти выступил вперед и театрально преклонил колено перед Нкобиль. В руках он держал доказательство своего подношения.

— Завтра днем, в два часа, я буду летать в небе в течение двух часов на ATR 42. Не Боинг, конечно, но довольно похоже.

— Спасибо, дорогой, — сказала Нкобиль. — Теперь черед твоей возлюбленной.

Исма положила сумку на пол и расстегнула ее. Сделала глубокий вдох. Она вытащила из нее пару детских балетных туфелек.

— Я мечтала, что она будет танцевать, поэтому и купила их. Она была бы такой грациозной.

Она положила туфли рядом с сумкой и достала из нее одеяло, на котором был вышит дракон.

— Чтобы уберечь ее от чудовищ, у нее был бы свой, личный монстр.

Она вытащила крошечную курточку.

— Чтобы выдержать холода Манчестера. Она бы бросалась в прохожих снежками.

Одну за другой, она доставала маленькие детали одежды и для каждой рассказывала отдельную, «что было бы, если», историю. Она сама удивилась тому, что не заплакала. Последним предметом одежды, оставшимся в сумке, была вязаная шапочка с отворотами, которые прикрывают уши.

Аннабель еще раз попыталась дозвониться матери. Опять безуспешно.

Рэймонд бросил Нкобиль ключ от своего БМВ. Тимоти захотелось ударить его как следует. Каждый из них думал над подарком и обнажил свою душу в этот вечер. Его «широким жестом» была машина. Да и какого черта вообще он делал в этой группе? Ясно, что ему плевать на всех, кроме себя самого.

— Спасибо, — сказала Нкобиль. — Завтра же на ней прокачусь. Теперь Ханна.

Поднялась Ханна, ей сорок один год, а нервничает как дебютантка. Она приблизилась к Нкобиль с распростертыми объятьями.

— За вас, моя королева, — сказала Ханна.

— Не в этот раз, — сказала Нкобиль. — Сейчас сделай это в честь своей дочери, Хелен, и ее любовницы, с которой ты отказалась встретиться. Как ее имя?

— Беа.

Ханна даже не пришла на их свадьбу.

— За Хелен и Беа.

Нкобиль обняла Ханну и поцеловала ее ладонь, которую та держала на губах.

После этого, все еще трясущаяся Ханна произнесла: «Спасибо».

После третьей попытки Аннабель поняла, наконец, в чем было дело.

— Я думаю, мама заблокировала мой номер.

— Не беспокойся об этом, — сказала Нкобиль. — Просто дай мне обещание. Поклянись мне, что ты ее наведишь. Если она тебя не впустит — разбей окно и проберись внутрь.

— А нельзя мне просто пообжиматься с тобой, как Ханна?

— Нет.

Бенито застонал от притворной боли:

— Пожалуйста... все равно обними ее и поцелуй. И потрогай ее грудь.

— Ладно, извращенец, твоя очередь.

Бенито еще раз покосился на Аннабель и Нкобиль похотливым взглядом, а затем открыл свой фотоальбом. Клоун Бенито, резиновое лицо, указал на фото мальчика, девочки и женщины в очках в роговой оправе.

— Они так и не узнали, кто это сделал, — сказал он. — Они только нашли тела, сваленные с четырьмя другими трупами, на пляже...

Он говорил без перерыва в течение сорока минут.

52

Стрелявшему было семнадцать лет. Его преследовали двое на красном Корветте. Он выстрелил в них 3 раза. Одна из пуль прошла мимо цели и убила Нкобиль.

Пока она умирала, лежа на асфальте, Тимоти и Исма были в самолете, пролетая сквозь облака.

— Это чудесно, — сказала Исма, глядя вниз из кабины. — Хотя, может было бы еще лучше, если бы ты сделал пару сальто.

— Воздушные трюки переоценены. Они только тошноту вызывают. Кроме того, я хотел бы быть пилотом пассажирских самолетов, а не трюкачом.

— Какой ребенок предпочтет Аэробус военному реактивному истребителю?

— Да, я такой.

— Симпатичная униформа, — промурлыкала Исма. — Можешь оставить ее себе?

47

Я все равно сходил на ее похороны, — признался Шамус на их следующем собрании. Нкобиль взяла с них обещание, чтобы они не ходили туда. Она хотела, чтобы последней памятью о ней была та вечеринка.

— Я тоже думал о том, чтоб пойти, — сказал Тимоти.

Исма одарила его вопросительным взглядом. Он не сказал ей об этом ни слова. Хотя, в последнее время он действительно был другим — он был более замкнутым и раздражительным в прошедшие два дня. Она не была уверена, что Нкобиль была единственной причиной.

Затем все по очереди рассказали о том, как смерть Нкобиль повлияла на их чувства. Слова Бенито точнее всего угадали настроение группы.

— Я чувствую как будто официально начался отчет. Следующими будут Тимоти и Исма, потом я. Один за другим, как в той детской считалке. Десять зеленых бутылочек стоят на стене, а затем их девять. И так будет продолжаться еще два года, пока в этом подвале не останется один Кришна.

— Если только он не найдет нам замену, — предположил Рэймонд.

— Ты считаешь, что мы должны найти замену Нкобиль? — сказала Ханна. Она не кричала, но в голосе ясно чувствовался гнев.

— Это не то, что я имел в виду.

— Ты сделала это? — спросил Шамус Аннабель, пытаясь сменить тему разговора. — Ты навестила свою мать?

— Это была настоящая эмоциональная разрядка. Я ожидала

слез или криков или каких-нибудь других фейерверков. Мы просто поговорили по душам. Я чувствую себя идиоткой из-за того, что ждала так долго. Если бы не Нкобиль, я могла бы умереть так и не поговорив с ней.

— Боже, благослови Нкобиль, — сказал Шамус. Он закрыл глаза и зашептал молитву. Это был первый раз за все время занятий, когда он привлек внимание к тому факту, что он является преподающим.

Позже, когда они направлялись домой к Исме, она поделилась одной из мыслей, которые не давали ей покоя.

— После того, как прощальная ночь Нкобиль была такой совершенной, мне кажется что даже если мы очень постараемся, нам не удастся сделать все так же хорошо. У нее все было так красиво. Это был не только праздник для нее, там был подарок для каждого из нас. Мне подарили тот коллаж, на котором изображена их встреча после нашей смерти и один из них говорит: «Ну, эта последняя встреча была полным отстоем, правда?»

— Это наверняка говорит Рэймонд, так?

— В яблочко.

— Не беспокойся об этом. Наша последняя ночь будет для нас — они будут там для поддержки. Кроме того, у нас останется всего несколько часов жизни. Мы можем решить взяться за руки и петь песни Аббы и это будет выглядеть проникновенно и многозначительно.

— У тебя уже есть идеи насчет того, чем ты хочешь заняться?

— Ну... — Тимоти выглядел смущенным.

— Говори.

— Я...

— Выкладывай уже.

— Я думал о том, чтобы спросить у них, ничего, если мы устроим прощальный вечер на день раньше. Просто я хотел заняться с

тобой кое-чем в нашу последнюю ночь.

В момент, когда он это сказал, его рука обнимала Исму и он почувствовал как напряглись ее мускулы.

— Я думаю мы им должны, мы обязаны провести последнюю ночь с ними.

— Какая будет разница, если мы сделаем это на день раньше? Исма остановилась и посмотрела в глаза Тимоти.

— Никакой лжи, — напомнил он ей.

Она внимательно посмотрела на него. Она приготовилась умирять его.

— Я хочу быть с ними в мою последнюю ночь.

— Ты с ними знакома совсем недавно!

— Я с ними знакома столько же, сколько и с тобой, — ответила она, и ей не стоило этого говорить.

— Ты все еще не любишь меня, — сказал он ей, чем вывел ее из себя.

— Почему ты думаешь, что это все из-за тебя? Хватит быть настолько неуверенным в себе. Мы будем вместе каждый из следующих сорока семи дней. Ты умрешь вместе со мной. Я хочу, чтобы ты умер со мной. И я не имею в виду, что я хочу оторваться с какими-то незнакомыми людьми в мою последнюю ночь. Я хочу быть вместе с группой, частью которой являешься и ты.

— Ты права, ты права, — ответил Тимоти, слишком поспешно.

— Не говори это просто так. Слушай, что я говорю.

— Я думаю, что сегодня мы пойдем о мне.

Он отстранился от нее и начал уходить в сторону.

— Не будь ребенком, Тимоти.

Он продолжал идти.

— Ладно, — сказала Исма. Она ждала несколько мгновений в надежде увидеть, как он разворачивается и идет обратно. Он не развернулся.

44

Тимоти открыл дверь. Выглядел он паршиво. Он был непричесан, небрит и, судя по внешнему виду, ему нужно было поспать.

— Не думал, что ты захочешь увидеть меня снова.

— Ты идиот.

Исма прошла мимо него в квартиру, в которой царил хаос.

— Ты знаешь, что мы сделали? Мы впустую потеряли три дня.

Мне они не понравились. А тебе?

— Нет.

— Тогда давай больше так не делать.

— Согласен.

— Время, которое мы провели вместе, было чудесным. разве этого не достаточно? Ты не можешь просто наслаждаться тем, чем это является? Нам обязательно сравнивать это с идеальными сценами из кино?

— Того, что есть — достаточно, — сказал Тимоти.

Исма не была уверена, что поверила ему, но ей не хотелось ссориться.

— Иди в душ, — сказала она. — Тебе нужно выбиратья отсюда.

31

— Мне следовало просто солгать ему, — сказала Исма Ханне у нее дома. Ханна пригласила ее прийти и посмотреть на две картины Нкобиль, которые она выкупила из галереи в Эдинбурге.

— Я должна была с самого начала притворить, что это была большая и чистая любовь.

— Тебе бы это понравилось? — спросила Ханна.

— Уверена, что нет. Но у меня нет проблем с враньем. Это я хорошо умею. Умею плакать по желанию, изображать сомнение, делать все что угодно, если нужно.

— Он бы узнал. На каком-то уровне он бы знал это.

— Люди всегда так говорят. Но я никогда не знала этого с Полом. Я верила каждому слову этого подонка.

— Ты собираешься встретиться с ним, перед концом?

Исма покачала головой:

— Нет. Возможно. Я хочу... Я просто...

— Ты не хочешь делать ему больно.

— Это не то. Я ничем не смогу причинить боль Тимоти. Он сам это делает. Ему нравится мучать себя. Я — просто оправдание.

— Тогда почему ты не хочешь увидеться с Полом?

— Он оставил меня, когда я больше всего в нем нуждалась.

— Оставь свою гордость, ты хочешь увидеть его. Тебе следует сделать это, иначе ты пожалеешь. Разве это будет не здорово, если тебе будет не о чем жалеть, когда ты будешь умирать?

— Только не надо строить из себя всезнающую Мать-Землю всего сущего. Тебе это не идет.

На одной из картин Нкобилль был изображен робот-рыбак, сидящий на берегу реки. В воде к крючку приближалось странное трехглазое существо. Другая картина была автопортретом, но у нее была фиолетовая кожа.

25

— Алло. Это Пол Дурочер. Кто звонит? Алло? Алло?

22

Они провели весь день на скачках. Это была одна из тех вещей, которых Тимоти никогда не делал. Между собой они составили список. Теперь они вычеркивали из него пункты, один за другим. Тимоти был в смокинге и цилиндре, на этой нелепости он особенно настаивал.

— Мне плевать, если я выгляжу как человек из другого

столетия; я сделаю это шикарно и помпезно, и мне нет дела до того, что они скажут.

Было весело туда сходить, но сами скачки были скучными. Тимоти и Исма не нашли ничего даже отдаленно увлекательного в лошадях, бегающих по кругу.

Позднее, Исма вручила Тимоти конверт.

— Что это?

— Увидишь.

Это была открытка на день рождения.

— День рождения у меня не сегодня. Мы умрем до того как мне исполнится двадцать восемь.

— У них не было подходящей открытки для того, о чем я хотела сказать.

— Послание? Он открыл карточку.

— «Счастливого 528». Что значит 528?

— Ты всегда говорил о том, сколько дней нам осталось. Я не думаю, что на это нужно смотреть с такой точки зрения. У нас осталось 528 часов. Или, если тебе так больше нравится, на обороте странице написано, сколько у нас есть времени в минутах: «31680».

— Звучит как куча времени, не так ли?

— Похоже на то.

10080

— Теперь, теперь ты мне звонишь, когда у меня осталась всего неделя.

Исма хотелось быть злее, чем она была на самом деле. Было приятно слышать голос Пола. Ей не хватало его умиротворяющего баритона и напоминающего французский акцента. Она смирилась с тем, что никогда его больше не услышит.

— Я звоню сейчас. Я хотел сделать это раньше. Я просто не

мог набраться смелости.

— Неубедительная причина.

Исма отмела в сторону его попытку побыстрее закончить эту тему:

— Ты хочешь встретиться?

— Ух ты, это очень прямолинейно.

— Вся эта ситуация, «умираю через несколько дней», убирает необходимость нести всякую чушь.

— Я сейчас не городе.

— Классика. Меня это не беспокоит.

— Я вернусь во вторник, на следующей неделе.

— И спустя столько времени, ты думаешь мне захочется провести мою последнюю ночь вместе с тобой. Ты такой же самонадеянный, как и всегда.

— Прости меня... Я просто... Я заказал билет назад на этот день, потому что знал, что это будет твой последний день. Если ты не хочешь видеть меня...

— Знаешь, ты ублюдок. Мне следует просто сказать тебе, чтобы ты отвалил. Но проблема в том, придурок ты эдакий, что я хочу увидеть тебя перед смертью. Возможно, просто для того, чтобы ткнуть вилкой тебе в глаз.

— Полегче.

— Только не в мой последний день. Я меняю планы. И не в понедельник. Я обещала эту ночь кое-кому.

— Кое-кому?

Исма рассмеялась:

— Что? Ты думал, что после твоего ухода я стану монашкой и дам обет безбрачия?

— Исма, ты действительно думаешь, что если бы я остался с тобой, то мы были бы счастливы? Каждый разговор был ссорой. Мне нужно было продолжать жить. Я постоянно сожалел об

уходе, но я обдумал все еще раз и...

— Я не буду разговаривать об этом по телефону. Я отказываюсь. Воскресенье. Ты сможешь в воскресенье?

— Смогу.

5760

Исма была не таким хорошим лжецом, как она думала. Тимоти сразу все понял. Он не был уверен в том, выдал ли ее язык тела или изменение в голосе, но что-то подсказало ему. Он хотел позвонить ей, напомнить ей о правиле «никакой лжи», но он не стал этого делать.

Она не смотрела на него. Она, настоящая девушка «визуальный контакт», не смотрела на него.

— Я знаю, что это все в последний момент, но Ханна и я узнали друг друга намного лучше, чем я могла ожидать. Может быть потому, что я никогда по-настоящему не знала своих родителей, но иметь в друзьях пожилую женщину — это просто заставляет чувствовать что-то непостижимое. Уют, возможно, но это намного больше.

Эта часть не была ложью. Тимоти заметил, что на последних двух встречах Исма и Ханна стали близки, как будто они семья. Это была часть «завтра я встречу с Ханной».

— Я надеюсь, ты не возражаешь.

— Конечно нет.

Почему она лжет? Может она готовит сюрприз? — подумал он внезапно. Он видел это. Ханна и Исма задумали сделать что-то, что заставит его смеяться до боли в животе.

4320

Тимоти знал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Слежка за кем-то, кого ты обязан любить и кому должен доверять, всегда

была идиотской затеей. Это было то же самое, что читать дневник. Все, что бы он ни прочитал, было бы вырвано из контекста и причинило бы боль — не важно, о чем именно там бы говорилось.

Ему следовало просто сказать ей: «Я знаю, что ты лжешь; скажи мне правду, не важно, что это». Он не сказал так, потому что знал, что это было что-то плохое. На самом деле, он был почти уверен насчет того, куда она направлялась. Ты параноик, говорил он себе сначала. Потом он вспомнил старую шутку: «То, что я параноик, еще не значит, что они отстанут от меня».

Он шел по улице следом за ней, в сотне метров позади. Он был готов спрятаться за чем-нибудь, если она обернется. Но она не оборачивалась. Она была сосредоточена на своем пункте назначения. Это было слишком важно для нее. Даже если бы я прошел прямо у нее перед носом, — подумал он, — она бы все равно меня не заметила.

Она повернула на Олдхэм Стрит и ему пришлось пойти быстрее, чтобы не потерять ее.

— Зачем я ее преследую? — подумал он снова. — Я знаю куда она идет. Все сомнения и неуверенность в том, куда она идет, пропали. Я знаю, но я все равно ее преследую.

Исма свернула в кафе, и Тимоти перешел улицу. Он знал, что он увидит, но все равно перешел на другую сторону. Разве что... вдруг это окажется что-то другое? Всегда есть вероятность, что он оказался параноиком и повел себя как ребенок, как она говорила. Вот почему он решил идти до конца. Потому что крошечная вероятность того, что он ошибался, все-таки была.

Он пошел вниз по улице пока не оказался рядом с кафе. Исма сидела напротив красивого солидного мужчины в деловом костюме с курчавыми волосами. Тимоти узнал его по фотографиям, которые видел на ее компьютере.

Тимоти повернулся и пошел прочь.

1440

— Что? Ты знал, что ты ТД, когда решил войти в церковь?

Удивление Джулии заставило Шамуса рассмеяться.

— Это была одна из главных причин, по которой я решил пойти в духовенство.

— Чтобы быть уверенным, что попадешь в рай?

— Нет, нет, нет.

Это было то же, что подумал его отец. Он винил его в том, что он оставляет после себя такую никчемную жизнь.

— Осознание того, как мало времени у меня осталось, пробудило во мне желание жить. Изменить свою жизнь.

— Я понимаю, — ответила Джули. — С тех пор как я снова начала писать песни, во мне росло желание, чтобы я никогда не останавливалась. Приятно оставить после себя что-то, что люди в будущем могли сыграть. Что-то вроде доказательства того, что я существовала.

Шамус кивнул:

— Каждый хочет оставить наследие.

Эти двое были первыми здесь этим вечером. В подвале церкви было очень холодно, когда они только пришли, но сейчас он уже начинал нагреваться. Церковные обогреватели были не в состоянии сделать подвал по-настоящему теплым, но для этого и был предназначен алкоголь.

Следующим пришел улыбающийся как идиот Бенито. С детской непосредственностью и во всех подробностях рассказал о женщине, которую встретил.

— Она знает? — спросил Шамус.

— Нет.

— Тебе следует сказать ей. Она заслуживает того, чтобы узнать об этом.

— Ты можешь хоть на пять минут перестать быть преподобным

и превратиться в нормального мужика?

— Я за тебя, — сказала Джули. — Будет лучше, если она никогда не узнает.

— У нее отличная грудь.

Следующим пришел Кришна и начал описывать то, какой по его мнению должна быть эта ночь.

— Никакой этой ньюэйдж-чуши, которую затеяла Нкобиль. Просто компания друзей и немного веселья.

— И выпивка, — вставил Бенито. — Выпивка — это важно.

Следующей пришла Ханна и настроение тут же изменилось. Ее побледневшее лицо кричало о том, что что-то не так.

— Кто-нибудь из вас видел Тимоти в последние два дня?

— Нет. А что?

— Он должен был встретиться с Исмой вчера. Но он не пришел.

Преподобный сжал в кулаке висящее на шее распятие.

— Наверное, случилось что-то плохое. Ты звонила в полицию?

— Нужно, чтобы прошло два дня с момента пропажи, прежде чем они примут заявление. А к тому времени... он будет мертв.

Она спросили Рэймонда и Аннабель, когда те пришли, но они также ничего не слышали о Тимоти. Исма пришла в девять и выглядела совсем поникшей. Увидев семерых человек, сидящих здесь, у нее внутри потух последний огонек надежды.

— Может он попал в аварию? — предположил Шамус.

— Нет, — сказала Исма. — Он решил не приходить. Я еще могу понять то, что он не пришел вчера. Но я все еще думала, что он придет сегодня...

— Не говори так, — настаивал Шамус. — Если бы Тимоти мог, он бы пришел.

— Нет, — Исма еще не призналась даже Ханне. Она сказала только, что он пропал, но не сказала причину, по которой, как она думала, это произошло.

— Я кое-что сделала. Что-то такое, что причинило ему боль. Я понятия не имею как он узнал, но это случилось. Это единственное объяснение. Он сейчас где-то, один, и страдает из-за меня.

— Тебе действительно не стоит винить себя, — сказала Ханна.

— Я виделась с Полом, — призналась Исма, и от этого признания ей показалось, что она почувствовала привкус гниения на языке. Было настоящей пыткой выталкивать из себя слова, но сумела себя заставить. Она рассказала им все и ей казалось что наиболее «правильные» личности из присутствующих (Шамус, Рэймонд, Аннабель) осуждали ее.

Ее сторону приняла Ханна.

— Ты была с Полом в течение многих лет. Конечно ты бы встретила с ним. Ты умираешь завтра. Если Тимоти злился из-за этого, ему следовало сказать это тебе в лицо, а не сбегать, как последнему трусу.

Исма только покачала головой, никто не мог сказать ничего, что бы заставило ее почувствовать себя лучше. Бенито предложил ей попробовать и сделать все что в ее силах, но она ответила:

— Я просто хочу уйти. Я собираюсь пойти домой и лечь спать пораньше.

Ханна обняла Исму.

— Тебе не следует позволять ему чувствовать себя так в свою последнюю ночь. Остайся и мы поднимем тебе настроение.

— Нет, — твердо сказала она. — Я пойду.

Она попрощалась с каждым из группы ТД, но ни одно из этих прощаний не было таким, каким она себе представляла. Все они были сухими, даже прощание с Ханной. Ханна плакала, а Исме было все равно.

— Как могло так получиться? — спросила она Ханну перед уходом. — Я знакома с ним всего три месяца. Я не должна себя так чувствовать. Неделю назад, если бы ты сказала мне, что все

так сложится, я бы не подумала, что это так на меня повлияет.

— Тебя проводить до дома? — спросила Ханна.

— Нет. Спасибо, я лучше одна, — и она вышла под дождь.

Когда Тимоти добрался до церкви, там был только Шамус, убиравший все по местам. Он сказал Тимоти, что Исма уже ушла, и Тимоти поехал к ее дому. Что ему сказать, когда он туда доберется? Он не имел представления. Часть его хотела допросить ее насчет Пола и узнать детали. Почему она солгала? Спала ли она с ним? Любит ли она его до сих пор? А другая его часть хотела просто быть с ней и не привлекать к этому Пола никоим образом.

Поток машин был плотным, что было необычным для воскресенья. Машины еле плелись по дороге. Тимоти даже стало интересно, куда или откуда все направлялись. Вчера он ехал по дороге, у него в голове не было конкретного пункта назначения, просто хотелось уехать подальше. Он думал о том, чтобы уехать в другой город, снять номер в отеле, купить побольше алкоголя, заказать эскорт по тысяче долларов за час и все остальное, только чтобы уверить себя в том, что последний день может быть идеальным и без Исмы. Так было в теории. На практике, он чувствовал себя ужасно и не мог перестать думать о ней.

И вот, теперь он здесь, едет, чтобы извиняться? Ползать у нее в ногах? Кричать на нее? Ну, хоть что-то. «У меня остался один день, и я хочу провести его с тобой», — сказал он про себя. «Это действительно романтично. Кто перед этим устоит?»

Тимоти свернул за угол, к кварталу, где находилась квартира Исмы и увидел огонь. Три верхних этажа здания Исмы были охвачены огнем. Тимоти посмотрел на часы. 00:27. Половина первого.

— Нет, — выдохнул он, как только его осенило.

Это оно. Вот как это должно произойти. Исма сейчас в ловушке в своей квартире и она погибнет там, если еще не погибла. Если он войдет в здание и попытается спасти ее, то он тоже

погибнет. Таким было предсказание. Вот как это должно было произойти.

Машина Смерти всегда была права, потому что у всех всегда было недостаточно информации. Даже у ТДшников. Но на этот раз Тимоти знал все. Вот как это должно произойти. Не будет двух пожаров. Этот — единственный. Все, что ему нужно сделать чтобы выжить — то стоять и наблюдать. Вот как просто было бы доказать, что Машина ошибается. Все, что ему нужно сделать — не делать ничего. Все равно ему ее не спасти.

Тимоти остановил машину прямо напротив здания. Изнутри доносились крики.

Он смотрел вверх на языки пламени, и увидел ее окна. Она была внутри, ее чем-то придавило или что-то другое не давало ей выбраться. Она, должно быть, ужасно напугана, ведь она знает, что это конец. Она была внутри, и она умирала. Ожидала смерти. В одиночестве.

Тимоти выскочил из машины и изо всех сил побежал навстречу огню.

Автор — Daliso Chaponda.

Художник — Dylan Meconis.